

Андрей Расторгуев

Андрей Петрович Расторгуев – родился в 1964 году. Поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей России. Автор около 20 книг стихов, переводов и литературно-критических статей, многих публикаций в литературных журналах, участник ряда антологий. Лауреат премии Правительства Республики Коми, литературной премии Уральского федерального округа, Международной литературной премии «Словес связующая нить», премий им. П. Бажова, В. Станцева, Р. Рождественского и ряда других литературных наград. Живёт в Екатеринбурге.

ПЕРВОМАЙСКОЕ

И слова отогреву не скажи:
он зреющее чувствует острее,
приподымая землю на ножи
и копья торопливого пырея.
И пусть не разделяя торжества,
закрученная в мягкие комочки,
погоду осторожная листва
вынюхивает в лопнувшие почки.

В природе нет обратного пути
и послабления в лиственном законе.
Она решится выйти – и войти
и растопырит лёгкие ладони:
до восходящей к облаку реки,
мелеющей без слова дождевого,
древесные шипы и желваки
не допускают воздуха земного.

КАРАИДЕЛЬ ¹

I

Издалека из-под руки,
охотник в тысячном колене,
вглядись: на берегу реки
легли ленивые тюлени,
а подберёшься на версту
по ивняковому околку –
неимоверному киту
вода оглаживает холку...

Как броневые корабли,
на дух петрушки и шалота
идут из глубины земли

три первозданных кашалота,
но до последних шатких пор,
удерживая спины пашен,
лежит опорой опор
тяжёлый панцирь черепаший.

II

Пускай своя не бёлена и мелом,
не уходи за тридевять земель –
Караидель впадает в Агидель,
и чёрное расходуется в белом.
Удачи – на подброшенный пятак,
но твердь земная вовсе не жестока:
в течении от горного истока
Кара́ переменяется на Ак.

Раскачивает – да не колыбель,
но все противологи жизни волглой
уносит в море мудрая Идель,
по-русски именуемая Волгой.
И даже в беспросветные года
склонись над чёрной прорвою в затоне
и зачерпни – прозрачная вода
останется на вымытой ладони.

* * *

Не делай мне поблажки
на круге роковом:
не покупай рубашки
с коротким рукавом –
по ведомым приметам,
родимый человек,
мне их коротким летом
не износить вовек.

¹ Караидель – чёрная река (башк.).

Что холодна природа,
какой с погоды спрос?
А ветреная мода
по ветру держит нос –
мол, оттянись, Еремя,
рассудку вопреки...
Эх, потянул бы время,
да руки коротки.

* * *

Не обрекая плесени
нажитое трудом,
брат накануне пенсии
отделяет дом.
Только всего и дорого
данного со щедрот –
место вдали от города,
садик да огород.

Лиственницы да падубы,
доброе поля пядь –
только всего и надо бы,
дабы не голодать.
Сколько ещё отмерено?
Надо бы до конца:
выросли дочь и дерево –
строится крепостца.

Но за сирень-смородину
и обиходный быт
он золотую родину
не поблагодарит –
не по душевной малости,
а сторожась цены:
то ли нещадной старости,
то ли большой войны.

* * *

Когда не заново, а опять,
не по наитию и отточью –
привыкших поздно ложиться спать
не удивить новогодней ночью.
И сколько свежести ни готовь,
неугомонною перекличкой
согласны опытные: любовь
переворачивается привычкой...

Воды и времени не рассечь,
но отмечаем хотя бы чаем
на пристанях ненарочных встреч –
и на течении различаем.

И на отчаяние не трать
бесперестанно души и тела:
когда без крови не оторвать –
не прилучилась, а прикипела.

* * *

На облюбованный край земли
хочешь валить – вали...
Славно летят в золотой дали
белые корабли.
Если на выстуженной реке –
снежная береста,
славно отправиться налегке
в солнечные места.

Как рассыпается свежий сноп
по ледяному льну,
сам я, осиливая озноб,
к телу живому льну,
а пережмёт на ветру висок
каменной тоской –
голову рад уронить в песок
средиземноморской...

Ой, бестолковая голова!
Только лицо умой –
ведает, что одна жива,
а всё одно – домой:
к раннему свету, смоле, золе... –
надо ли говорить?
Жить, не тужить о чужой земле,
хоть бы и лес валить.

СТОРОЖОК

Тьма. Погашены окошки.
Шебуршат ежи да кошки,
и собака на ветошке
сторожит ночную мглу:
– Берегитесь, кошки-ёжки, –
пооткручиваю бошки
всем, кто вышел для кормёжки
по морковь или свеклу...

Слышно: пролетают совы.
На двери – замок весомый...
– Мы тяжёлые засовы,
дайте время, отопрём.
Прячьтесь, ёжики, под ёлки –
посчитаю все иголки,
если мой хозяин сонный
мне посветит фонарём...

* * *

Потеплело, да не очень:
бабье – это не всерьёз...
Золотистой мастью в осень
жизни радуется пёс:
зарепеена хребтина,
череда на голове,
на снегу или траве
кувыркаться – всё едино...

Без сомнения служить
да ценить, чего имею...
Жаль, наверное, что жить
по-собачьи не умею.

* * *

От щедрого ливня и ветра,
привычных к ночному труду,
пионов тяжёлые ядра
упали в густую траву.

Но солнечный ливень ответный
сквозит из балконных окон,
как будто погром несусветный
привиделся сквозь полусон,
и электроточную будку
пометить калёным тавром
не целили молнии будто,
железо дробя над двором,
и, в лёгком сплетясь одеяле
на простынях чистого льна,
чудесное нечто проспали
мы, не отряхнув полусна,
и в полусомкнутые веки
ещё не известную часть
в природе или человеке
опять опоздали прочесть...

Но выше прохладных резонов,
что плотью живой горячи,
как тонкие стебли пионов,
мы не устояли в ночи.

* * *

Я с любимой вечер коротал
в полном понимании-безмолвии.
Вдалеке отсвечивали молнии,
грохот потаённый рокотал.
Только что, над нами проходя,
за капелью первого дождя

ткали тучи медленно и длинно
полотно безжалостного ливня.
И оборвалось оно во мгле,
разлилось по высохшей земле,
напитав от листьев до корней
всё, что нынче выросло на ней...

И подумал я глаза в глаза:
мы с тобою – словно та гроза.
Лето золотое не до дна,
а граница осени видна...
А она ответила: не ври –
земляники утром набери.
Мы с тобою тоже – будь готов –
из долгоиграющих сортов.
И гроза, похоже, не одна –
на подходе новая волна.
Повторить не воспрещается.
Видишь: туча возвращается...

* * *

Далеко за холмом
мы в конце-то концов
запоздалым умом
понимали отцов:
их ладоней корявых
шершавый наждак,
убеждение правых
в их праве нажать,
алкогольные боли,
табачное зло...
У кого они были,
тому повезло.

И потом, понимая
родительский быт
и сердца вынимая
из детских обид,
мы худое хотели
не перенимать,
но сумели немного
переменить,
ибо в самом начале,
у первых дверей
нам досталось печали
и от матерей.

А которым сейчас
сыновей поднимать –
пожелают ли нас
помянуть-понимать?